

М. В. Шкаровский*

Русская Православная Церковь и власовское движение

Истории самого значительного из существовавших в годы Второй мировой войны антисоветских движений — власовского — и личности самого генерал-лейтенанта А. А. Власова посвящено большое количество мемуарной, популярной и научной литературы¹. Однако связи этого движения с православным духовенством и окормление православными священнослужителями некоторых возглавляемых Власовым воинских частей до настоящего времени остаются практически неизученными. Исключение составляют небольшие книги мемуарного характера бывших участников движения — протопресвитера Александра Киселева и протоиерея Димитрия Константинова². Между тем хранящиеся в российских, германских и американских архивах документы позволяют приступить к изучению этой темы.

Командовавший 2-й ударной армией Волховского фронта генерал А. А. Власов после ее трагического поражения и гибели 12 июля 1942 г. был взят в плен и в конце того же месяца согласился возглавить русское антикоммунистическое движение. Генерал стал автором подписанного 3 августа 1942 г. меморандума о создании так называемой Русской освободительной армии (РОА). Фактически подобная армия так никогда и не была создана, однако этот термин, под которым понимали добровольческие части, сформированные из народов России, существовавшие в составе вермахта и СС, активно использовался немецкой пропагандой. Некоторые из антикоммунистически настроенных священнослужителей различных юрисдикций положительно отнеслись к власовскому движению. Они увидели в будущей РОА «третью силу», альтернативную советской и германской армиям, тем более что учившийся когда-то в Нижегородской Духовной семинарии Власов неоднократно подчеркивал свое положительное отношение к Церкви.

* © Шкаровский М. В., 2006

Михаил Витальевич Шкаровский, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.

Сопровождавший генерала весной—летом 1943 г. в его поездках по оккупированной территории Ленинградской обл. ротмистр Э. К. Деллингсхаузен вспоминал: «А. А. Власов был очень религиозен. Он часто говорил, что с большим удовольствием ходил бы в церковь, да что скажет народ на той стороне, как он на это посмотрит. А. А. все сделал, чтобы увеличить влияние Церкви в Русском освободительном движении. Благодаря его личной инициативе и по его приказам, православное духовенство имело широкий доступ ко всем русским частям. Как бывший семинарист, А. А. знал великолепно всю церковную службу. Во время объезда Северного фронта, на одном обеде, устроенном в его честь, на котором присутствовали представители русского гражданского управления, немецкий комендант обратился ко мне с предложением, чтобы прочли молитву, как это делается у русских. На это местный священник, присутствовавший на обеде, предложил спеть “Христос Воскресе”... А. А., обладая сильным басом, громче всех пел, что немало поразило присутствовавших немцев и русских. Однажды А. А. был на крестинах крестным отцом. Держа младенца на руках, он пел всю службу, чем порастил священника и маленькое общество присутствовавших»³.

Существует еще несколько подобных свидетельств. В частности, ряд подробностей вспомнил в 1970-х гг. И. Новосильцев: «рассказы Андрея Андреевича о том, как в семинарии он пел в церковном хоре, как он помнит наизусть некоторые молитвы; однажды он, как заправский дьякон, прочел великую ектенью». Однажды Власов сказал Новосильцеву: «А знаешь, ведь сегодня суббота, и сейчас в церкви, наверное, всенощная. Можно ли, не заходя в церковь, где-либо около церкви послушать, как идет служба?» «Хорошо помню этот осенний вечер,— продолжал Новосильцев,— и как мы вдвоем долго стояли под окнами церкви на Находштрассе [русского храма св. князя Владимира в Берлине.— М. Ш.] и слушали всенощную. Потом Андрей Андреевич очень хвалил хор и сказал: “А знаешь, я мог бы с ними петь”»⁴.

В конце 1942 г. в Риге генерал Власов встретился с главой Прибалтийского экзархата в юрисдикции Московской Патриархии митрополитом Сергием (Воскресенским), который выдвинул идею о необходимости создания в занятых немцами областях Святейшего Синода во главе с одним из иерархов Русской Православной Церкви. При этом экзарх выражал опасения по поводу активизации эмигрантов-карловчан (Русская Православная Церковь за границей (РПЦЗ)). Владыка отмечал, что карловчане, давно оторвавшись от российской действительности, в работе с населением обнаружили свою полную непригодность и зависимость от немецких властей. В беседе с экзархом Власов заявил: «Религия — личное дело каждого русского человека. Религия должна быть свободной. Верить — дело личной совести каждого».

Через несколько дней в Пскове во время выступления перед горожанами генерал сказал: «Нет ничего прекраснее обрядов православной Церкви. За две тысячи лет христианство сделало так много хорошего для нашего многострадального отечества»⁵. В начале 1943 г. в Пскове в связи с обращением Власова был создан «Русский комитет», активно занявшийся сбором средств и вербовкой в РОА. В него вошли городской глава Пскова

Черепенкин, бывший городской глава Новгорода Пароменский, редактор газеты «За Родину» Хроменко и др.

В апреле 1943 г. Власов выступил в Риге перед представителями местной русской колонии, в числе которых был экзарх Сергей. При этом генерал открыто критиковал германское руководство за недалёковидность политики в России: «Если немцы намереваются превратить русских в рабов, то как аукнется, так и откликнется и немцы будут побеждены». Примечательно, что незадолго до выступления Власов посетил известную в Риге Гребенщиковскую общину старообрядцев-беспоповцев. В беседе с наставником общины генерал сказал: «Ну, а не лучше ли воссоединиться с православием, чтобы хоть в религиозной жизни русских не было разногласий, ведь в единении сила!.. Нет! Никто вас не будет в свободной России принуждать менять веру. Это вопрос совести каждого. Дожить бы только до свержения ненавистной безбожной власти!» По свидетельству очевидцев, генерала интересовало все: и касающееся старообрядчества в целом, и история рижской общины, и белокрыницкое старообрядчество — поповцы. После окончания визита он заметил: «И крепкие же люди, ничто их не поколебало, они и теперь спокойно почивают на своих святоотеческих подушках. С одной стороны, хорошо соблюдать веру отцов, но хорошо ли, с другой стороны, от всего нового отворачиваться? Каменеть в своих взглядах и вере тоже вредно»⁶.

В апреле—мае Власов в сопровождении членов псковского «Русского комитета» ездил в Красногвардейск (Гатчину), Лугу, Дно, Остров, Порхов, Гдов, Волосово, Толмачево, Сиверскую, Дедовичи и другие города и поселки Северо-Запада России, где, выступая перед населением, горячо призывал молодежь вступать в особую Русскую армию. В Пскове были организованы курсы пропагандистов РОА, 22 апреля их посетил экзарх Сергей. 1 мая 1943 г. Власов прислал в управление созданной экзархом Псковской православной духовной миссии приглашение прийти к нему для беседы и ознакомления с работой миссии. В тот же день вечером генерала посетили протопресвитер Кирилл Зайц, протоиерей Николай Жунда, священник Георгий Бенигсен и Н. Д. Сабуров. На допросе в НКВД 8 октября 1944 г. начальник миссии о. К. Зайц подробно рассказал о состоявшейся беседе. Власова интересовали положение, задачи миссии, отношение ее к немцам и немцев к миссионерам. О себе генерал сказал, что он сын крестьянина, «до 18 лет отличался особой религиозностью, но и теперь не потерял веры в Бога».

Власов говорил также о создании русского правительства и о том, что Россия станет могущественным государством только освободившись от большевизма. По словам о. Кирилла, генерал высказал пожелание, «чтобы и миссия поспособствовала этому великому его начинанию на благо России. В частности, он просил обращать особое внимание на русскую молодежь, подразумевая под этим словом не только учащуюся молодежь, но особенно молодых людей зрелого возраста, убеждая их вступать в ряды РОА. Он высказал надежду, что миссия даст указания священникам приходов устраивать собрания крестьян и какие дать им пояснения, как относиться к возможным выступлениям со стороны враждебно настроенных лиц... На вопрос наш зна-

ком ли он с нашим митрополитом Сергием, он ответил, что знаком и виделся с ним в Риге, и что митрополит... дает свое благословение и предписание миссии в г. Пскове оказывать ему, Власову, содействие и моральную помощь, о чем он и сам просит». Протопресвитер выразил согласие «поддержать начинание» генерала⁷.

После этой беседы представители Управления миссии о. Г. Бенигсен, К. Кравченко, В. Караваев и А. Перминов стали периодически участвовать в деятельности «Русского комитета». Они выступали по радио, прочитали несколько докладов в Пскове, Порхове, Острове, Гдове и Новоселье и выпустили совместно с комитетом листовку, призывающую население вступать в ряды РОА. По предложению управления миссии в помещениях «Русского комитета» также устраивались духовные концерты, в которых участвовали церковные хоры Пскова.

В мае 1943 г. Власов со своим штабом посетил Псково-Печерский монастырь и выступил перед его насельниками. Являясь в душе сторонником восстановления Великой России с монархом во главе, настоятель монастыря игумен Павел (Горшков) не мог сочувствовать нацистскому нашествию. Однако он иначе относился к власовскому движению, видимо считая его частью русской армии. Когда генерал зашел в келью игумена, тот приветствовал его и дал иконку. На допросе 23 декабря 1944 г. игумен показал: «Власов мне говорил, что хочет создать свободную Россию, без большевиков, и я, как враг большевиков, благословил его на этот поход». Позднее в монастырь на экскурсию приезжал отряд РОА в количестве 150 человек, и о. Павел также приветствовал их, заявив: «Благословляю вас на борьбу с большевиками и желаю вам победы для блага Родины». Всем солдатам РОА игумен раздал по листку со своим стихотворением о Псково-Печерском монастыре⁸.

Посетивший вместе с Власовым обитель Деллингсхаузен позднее вспоминал: «Генерал Власов проявил большой интерес особенно к истории монастыря, к собранию старинных икон, облачений и церковной древней утвари, к жизни и работе монахов. После осмотра навестили настоятеля монастыря. Старик-монах спросил генерала, как ему все понравилось и не слышал ли он про такого русского генерала Власова, который призывает русский народ к борьбе с большевизмом. Вдруг монах, пристально взглянув на генерала, спросил: “Да не Вы ли тот генерал Власов?”. Когда Власов в этом признался, настоятель встал, сделал ему земной поклон, благословил его на святое дело, перекрестил его и подарил ему икону. Потом Власов расписался в книге для почетных посетителей, и мы отправились дальше. Это сочувствие настоятеля монастыря произвело на Власова сильное впечатление»⁹.

Священнослужители Псковской миссии провели в частях РОА несколько богослужений. Первый молебен К. Зайц и И. Легкий при участии певчих из соборного хора совершили 25 декабря 1942 г., затем по приглашению «Русского Комитета» К. Зайц, Г. Бенигсен и Н. Шенрок провели еще ряд молебнов в подразделениях РОА, расположенных в Пскове и Саввиной пустыни¹⁰.

Впрочем, циркуляр о поддержке власовского движения, о котором просил генерал, управление миссии фактически так и не издало. 9 июля 1943 г.

оно выпустило лишь осторожно составленный информационный циркуляр № 714, предписывающий благочинным представить в управление миссии сведения следующего характера: «охарактеризовать популярность власовского движения, отношение к нему местного населения; сделать сопоставление отношения населения к власовскому движению и к партизанам; указать, на чьей стороне находятся симпатии населения, какая из них пользуется большим доверием и сочувствием». Циркуляр был послан 10 благочинным, из которых ответили 7, причем некоторые, как о. Г. Тайлов, ограничились кратким сообщением, что власовское движение популярностью у населения не пользуется¹¹.

«Основа» будущей РОА — созданный в мае 1943 г. русский гвардейский маршевый батальон — располагался на станции Стремутка под Псковом и имел там свою временную церковь, но священники миссии в ней не служили. Дело в том, что протопресвитером (руководителем клира) в войсках Власова был назначен состоявший в юрисдикции РПЦЗ архимандрит Гермоген (Кивачук) — бывший секретарь митрополита Берлинского и Германского Серафима (Ляде). 16 мая 1943 г. он посетил о. К. Зайца и попросил разрешения отслужить в псковском кафедральном соборе литургию для воинов РОА, но начальник миссии дать согласия не мог и посоветовал обратиться к экзарху, которому и сам 17 мая написал о случившемся. Ответ митрополита Сергия был категоричен: клирики миссии не могут служить совместно с раскольников-архимандритом, а тот, в свою очередь, не должен пытаться совершать богослужения для власовских частей в храмах, состоящих в ведении управления миссии. Экзарх вскоре приехал в Псков, и архимандрит Гермоген обратился к нему лично, но вновь получил отказ.

В своем меморандуме германским ведомствам «Религиозное обслуживание власовских воинских частей» в конце мая 1943 г. митрополит Сергей писал: «Принимая во внимание принадлежность архимандрита Гермогена к схизматической церковной организации и далеко идущие цели его поездки, ради предосторожности я дал руководителю миссии указания: 1) напомнить подчиненным ему клирикам о том, что они не могут совершать богослужения совместно с раскольниками... 2) дать понять архимандриту Гермогену, чтобы он не пытался предпринимать попыток совершать богослужения для власовских частей и военнопленных в церквях, находящихся в ведении управления миссии».

Исходя из этого частного случая, митрополит выдвинул идею создания в рамках Московского Патриархата центрального церковного ведомства на занятых восточных территориях: «Чтобы обеспечить Церкви порядок и спокойствие также и в послевоенное время и предотвратить ее обусловленный оппозицией схизматического епископата раскол на несколько борющихся между собой сект... просто необходимо обеспечить в Церкви России принципиальное продолжение существования канонически законной иерархии... Для обеспечения канонической законности будущего церковного руководства в России было бы лучше всего позаботиться о создании на занятых территориях упомянутого центрального церковного ведомства. Тогда объединенные

этим центральным учреждением архиереи могли бы с продвижением фронта воссоединять другие епископства. После войны это временное центральное ведомство могло бы подобающим образом приступить к окончательному урегулированию церковных отношений... Кроме того, упомянутое центральное церковное учреждение взяло бы на себя также обслуживание власовских войск. Является роковой ошибкой поручать обслуживание этих войск схизматической, тем более находящейся в Берлине, церковной организации»¹².

Главное предложение экзарха, конечно, принято не было, но на о. Гермогена позиция владыки оказала сильное воздействие. Митрополит потребовал от архимандрита всенародного покаяния в кафедральном соборе Риги и перехода в юрисдикцию Московской Патриархии. 5 июля 1943 г. о. Гермоген обратился к митрополиту Сергию с прошением: «Припадая к стопам Вашего Высокопреосвященства, я смиренно прошу принять меня в лоно Матери-Церкви, с тем чтобы я мог под руководством Вашего Высокопреосвященства отдать все свои силы на службу нашей страдающей, искренне любимой Русской Церкви»¹³.

Архимандрит Гермоген одно время даже рассматривался в качестве кандидата на Ревельскую (Таллинскую) кафедру при поставлении от экзарха. Однако воссоединение не состоялось. Архимандрит так и не смог служить в храмах миссии, хотя до конца августа посещал Псков. По словам о. К. Зайца, желание немцев «привлечь берлинское духовенство и подчинить его СД потерпело неудачу». В августе в гвардейском маршевом батальоне РОА произошли волнения, после чего он в сентябре 1943 г. был переброшен в Данию, где и находился до конца войны. Тогда же обратно в Берлин уехал и о. Гермоген¹⁴.

Сам Власов, по некоторым сведениям, последний раз общался с духовенством Псковской миссии в августе (на самом деле, вероятно, в начале июля) 1943 г., когда на встрече с клиром Стругокрасненского района заявил о необходимости создания института полковых священников в РОА. Затем его поездки по Северо-Западу России прекратились¹⁵. Весной 1943 г. немецкое командование подготовило план операции «Просвет», согласно которому красноармейцы должны были убедиться, что с ними на одном из участков фронта воюют не только немцы, но и их «борющиеся за свободную Россию бывшие товарищи». Эту акцию нацисты собирались провести под Ленинградом, между Ораниенбаумом и Петергофом. Ставка делалась на личное участие в ней Власова, но в ходе выступлений перед мирным населением и военнопленными последний допустил ряд вольностей. Его заявления о будущей независимой России вызывали неудовольствие со стороны нацистского руководства.

Уже 17 апреля 1943 г. вышел приказ фельдмаршала Кейтеля командующим группами армий, в котором говорилось, что «ввиду неправомочных, наглых высказываний военнопленного генерала Власова... фюрер не желает слышать имени Власова ни при каких обстоятельствах, разве что в связи с операциями чисто пропагандного характера, при которых может понадобиться имя Власова». 8 июня Гитлер приказал арестовать генерала.

К 5 июля Власов действительно был заключен под домашний арест в Далеми, вблизи Берлина.

Это изменение в содержании германской пропаганды сразу же отметили советские спецслужбы. В обзоре «О структуре и деятельности “Русского комитета” и “Русской освободительной армии”, возглавляемой Власовым», составленном ленинградскими чекистами в конце августа 1943 г., отмечалось: «В течение июля—августа пропаганда “власовского движения” в антисоветских радиопередачах на русском языке сведена почти на нет. За исключением переданной 7 августа “программной речи” Власова перед представителями частей “Русской освободительной армии” о нем больше ничего не сообщалось». А с сентября 1943 г., после вывода батальона из Стремутки, в управлении Псковской миссии больше ничего не слышали ни о РОА, ни о Власове¹⁶.

Какие-либо контакты власовцев с духовенством Московской Патриархии прекратились, и в дальнейшем участников движения окормляли исключительно священнослужители РПЦЗ. При этом Власов сохранил положительное отношение к экзарху Сергию, убитому при невыясненных до конца обстоятельствах (скорее всего, отрядом СД по приказу шефа Главного управления имперской безопасности Э. Кальтенбрунера) на шоссе между Вильнюсом и Каунасом 28 апреля 1944 г.

В конце 1944 г. генерал, по свидетельству офицеров его штаба, говорил: «Этот архиерей исключительно умный человек и русский патриот. Он во многом мне по душе. При встречах мы всегда оживленно беседовали и только за недостатком времени не могли сказать друг другу всего, что непременно надо было сказать. Он так же, как большинство нас, русских, скрывал в глубине своей души свое настоящее отношение к коммунистической власти и к Сталину. Вовне он умел, как законопослушный и церковный глава, появляться везде, где требовала служба. Всю трагедию такого поведения вы здесь, в Германии, понять не можете. Представьте себе епископа, духовного отца своего пасомого стада, который должен выступать одновременно как христианин и как верный слуга атеистической власти, написавшей на своем знамени уничтожение Церкви! Какая это душевная мука для верующего человека! И при этом такая личность, как этот митрополит, отнюдь не является исключением. Большинство из нас, будь то епископ, аппаратчик, высший чиновник или военный, вынуждены иметь два сердца в груди... А что вы сделали с этим человеком? Человеком, который, жертвуя своей жизнью, перешел в ваш лагерь и оказал неизмеримые услуги вашим устремлениям и мог бы оказывать их и дальше! Этого человека вы из засады на дороге подло и трусливо убили самым позорным образом, как разбойника и преступника»¹⁷.

Следует упомянуть, что некоторые русские общественные деятели увидели в смерти экзарха Сергия повод для пересмотра церковного вопроса, высказав идею создания единой, централизованной влиятельной Русской Церкви на всей контролируемой Третьим рейхом территории. В частности, подобные идеи выражал в своем докладе от 11 июня 1944 г. начальник экзаршей канцелярии профессор И. Д. Гримм. По его мнению, руководящий центр

мог бы быть создан на общем Соборе православных архиереев Украины и рейхскомиссариата «Остланд» (т. е. Белоруссии и Прибалтики). В число задач этого центра входило бы также религиозное окормление РОА и русских колоний беженцев, а также оstarбайтеров в различных странах. Предусматривалось и дальнейшее привлечение для совместной работы священнослужителей РПЦЗ и даже главу Русского Западно-Европейского экзархата митрополита Евлогия (Георгиевского).

Заканчивал профессор свой поступивший в МИД доклад указанием на необходимость новой германской церковной политики на Востоке: «Кампания 1941 года не в последнюю очередь потерпела неудачу потому, что русский народ с самого начала имел подозрение о ведении войны в меньшей степени против большевизма, чем против России. Это недоверие не только возбуждалось советским правительством, но и было очевидно для всякого вследствие направленной на раздробление [Церкви.— *М. III.*] германской церковной политики. Эта ошибка не должна снова повториться. Поэтому при втором вступлении в Россию необходима организация православной Церкви, полностью свободной в своих внутренних делах, крепко соединенной внешне»¹⁸.

Однако подобные планы были абсолютно неприемлемы для Рейхсминистерства занятых восточных территорий, Партийной канцелярии и Главного управления имперской безопасности, не желавших менять своей генеральной линии на максимально возможное раздробление и ослабление Русской Православной Церкви, что подтвердилось на переговорах в мае—июне 1944 г.

В дальнейшем Гримм встретился с Власовым, поступил на службу в его штаб, но объединительные церковные устремления профессора вызвали сильную тревогу у СД и в Рейхсминистерстве занятых восточных территорий. Так, 14 декабря 1944 г. начальник группы религиозной политики этого (Восточного) министерства К. Розенфельдер писал своему начальнику: «Власов имеет намерение использовать, если уже не использовал, в качестве советника по церковным делам профессора Гримма — ближайшего сотрудника убитого экзарха Сергия (митрополита Литовского и экзарха Эстонии и Латвии). Гримм отклонил предложение взять на себя выполнение подобной задачи при русском органе попечения. Он всегда был известен германским ведомствам в ГКО [генералкомиссариате Остланд.— *М. III.*] как противник раскола православного единства. Поэтому существует опасность, что от ожидаемой церковной политики Власова пострадают национальные группы, прежде всего Украинская Церковь, если они не получат косвенной поддержки со стороны органов власти Рейха»¹⁹. В результате Гримм был вынужден перейти в юридический отдел Комитета освобождения народов России (КОНР), начальником которого оставался до мая 1945 г. Членом КОНР стал и бывший секретарь экзарха Сергия (Воскресенского) Д. А. Левицкий.

После ареста Власова созданная в марте 1943 г. в городке Дабендорф под Берлином школа пропагандистов РОА не прекратила свою работу. Летом 1943 г. все русские добровольческие формирования получили особые элементы формы и погон, а также шеврон РОА на правый рукав, хотя никакой

Русской освободительной армии не существовало и эти части по-прежнему подчинялись полевым командирам вермахта и СС. До осени 1944 г. Власов не имел никакого влияния на русские формирования, которые в основном находились в ведении генерала добровольческих войск Э. А. Кестринга.

На 4-й год войны Кестринг осознал необходимость иметь военное духовенство в руководимых им формированиях. 11 июля 1944 г. он обратился за содействием в Рейхсминистерство занятых восточных территорий. В соответствующем письме генерал сообщил о том, что была признана сильная потребность в религиозном обслуживании добровольческих частей и созданные для этого плановые места священников скоро будут заполнены. Для подготовки мусульманских священнослужителей уже созданы учебные курсы, а относительно православных отсутствуют директивы, направляющая линия и подходящие преподавательские кадры. Генерал просил сообщить, как можно осуществить задуманные планы.

Просьба Кестринга попала на благодатную почву. Восточное министерство увидело в ней способ пристроить значительное число эвакуированных в Германию из Белоруссии, Украины и Прибалтики православных священнослужителей. Начальник религиозной группы К. Розенфельдер известил о письме Партийную канцелярию и ведомство шефа полиции безопасности и СД, указав, что он считает целесообразным поручить подготовку православных священников в добровольческих частях одному из прибывших с восточных территорий епископов. Розенфельдер также отметил необходимость контроля со стороны надежного и способного епископа для предотвращения злоупотреблений в духовной службе и проникновению под видом священников советских агентов.

24 августа начальник религиозной группы сообщил Кестрингу: «Мои усилия в вышеупомянутом деле еще не привели к удовлетворительным результатам. Целесообразнее всего было бы назначить для священников добровольческих формирований особого православного епископа, который отвечал бы за окормление и подготовку последних. Сейчас еще невозможно получить полное представление о прибывших из занятых областей епископах, так что выбор для намеченной цели самого надежного и подходящего епископа может последовать лишь в ближайшие недели. Я был бы благодарен за сообщение Вашего мнения о предложении назначить особого епископа для добровольческих формирований и информацию о священниках, которыми были заняты запланированные места, с указанием их национальности и прежнего церковного руководителя»²⁰.

Ответ шефа штаба Кестринга от 9 октября 1944 г. оказался неблагоприятным для министерства. В нем говорилось, что Верховное командование вермахта (ОКВ) еще 2 октября 1943 г. указало на нежелательность назначения руководящего православного епископа для духовенства добровольческих частей, поэтому генерал Кестринг уже просил поручить это дело не русскому епископу, а немецкому митрополиту Серафиму (Ляде). Прибывшие с восточных территорий священники, ввиду отсутствия других возможностей использования, были устроены на работу в промышленности, но при этом за-

регистрированы и опрошены через специальные листы митрополитом Серафимом. Ответы священников в опросных листах показали, что значительная часть их ранее привлекалась немецкими организациями для душепопечительной деятельности. Поскольку ее результаты положительно оцениваются этими организациями, штаб генерала в настоящее время разрабатывает правила службы этих священников. Министерству все же обещали прислать запрашиваемый список священников после занятия ими запланированных мест в православных добровольческих соединениях.

Чиновники Восточного министерства резко негативно относились к РПЦЗ в целом и к управлявшему ее Германской епархией митрополиту Серафиму (Ляде) в частности, подозревая его в великорусских монархических убеждениях. В связи с этим Розенфельдер 31 октября обратился за поддержкой к служившему в Партийной канцелярии министерскому советнику Крюгеру и ведомству шефа полиции безопасности и СД. Начальник религиозной группы писал, что назначение митрополита Серафима нежелательно: он немец, и поручение ему окормлять священников добровольческих частей может вызвать неприятное удивление у находящихся сейчас на территории рейха без всякого занятия русских и украинских архиереев. Кроме того, митрополита Серафима отвергнут в качестве церковного руководителя принадлежащие к автокефальной Церкви украинцы. В связи с позицией ОКВ Розенфельдер предлагал определить по одному полевого протопресвитера для русских, украинских и прочих добровольческих частей, которые бы занялись назначением священников.

В этот же день начальник религиозной группы написал ответ в штаб Кестринга, в котором сообщил, что митрополит Серафим якобы уже неоднократно встречал отказ, особенно со стороны украинцев. Ссылаясь на многообразие церковно-политических течений внутри православной Церкви, Розенфельдер повторил свое предложение о назначении отдельных полевых протопресвитеров для русских, украинских и других добровольческих частей.

Получив поддержку со стороны Партийной канцелярии, также негативно относившейся к Зарубежной Русской Церкви, 9 ноября Восточное министерство еще раз обратилось к Кестрингу. Отвергая кандидатуру митрополита Серафима, оно вновь вернулось к своей идее назначения епископа с восточных территорий. При этом Розенфельдер уже предлагал конкретных кандидатов — проживавших в то время в Франценсбаде (Судеты) епископов Белорусской Православной Церкви Афанасия (Мартоса) и Стефана (Севбо)²¹.

12 декабря 1944 г. в Партийной канцелярии под руководством министерского советника Крюгера состоялись переговоры об использовании священнослужителей в добровольческих войсках с участием представителей СД, генерала Кестринга и Восточного министерства, которые показали необходимость такого использования. Была достигнута договоренность о том, чтобы число священников оставалось на минимально возможном уровне. Кроме того, генералу добровольческих войск предписывалось распорядиться об отсутствии всякого принуждения к участию в богослужбных действиях; наконец, должны были приниматься во внимание все национальные церковные

группы. Для руководства военными священниками (в церковно-правовом отношении подчиненными различным архиереям) планировалось назначить офицера при генерале добровольческих войск, обладающего знанием предмета, русского языка и политической ловкостью. Его важнейшая политическая задача должна была состоять в «незаметном руководстве» и священниками власовских частей. Эти предложения в основном были внесены Партийной канцелярией и Восточным министерством.

В письме от 14 декабря Розенфельдер, сообщая своему начальнику о результатах совещания в Партийной канцелярии, с тревогой отмечал, что генерал Власов встречался с руководством Зарубежной Русской Церкви и получил от него благословение: «Очевидно, что устремления Русской Православной Церкви направлены на то, чтобы все группы возглавил митрополит Анастасий и великорусская идея была осуществлена, прежде всего, в церковной области»²².

Опасения Восточного министерства оказались не напрасны. К тому времени вновь допущенный к практическому руководству русским антикоммунистическим движением Власов установил тесные связи с руководством РПЦЗ, и решения указанного совещания фактически остались невыполненными. По свидетельству сотрудников его штаба, рассуждая об антихристианском мышлении германского руководства и его нежелании понять церковные чаяния русского народа, генерал говорил: «Неспособность немцев понять это заставляет многих из нас забыть любовь к народу, совесть и, в конце концов, веру в Бога и встать в ряды защитников сталинского режима»²³.

Непосредственные контакты с Зарубежной Русской Церковью в лице архимандрита Гермогена (Кивачука) Власов имел еще в 1943 г., и после водворения генерала под домашний арест в Далеме они не прекращались. С митрополитом Берлинским и Германским Серафимом (Ляде) Власов, по некоторым сведениям, впервые встретился в Берлине осенью 1942 г. Владыка и в дальнейшем проявлял интерес к власовскому движению, в частности, к окормлению школы пропагандистов РОА в Дабендорфе. Интересные сведения об этом имеются в книге воспоминаний протоиерея Дмитрия Константинова, который, еще будучи мирянином (с большим опытом тайной церковной деятельности в Ленинграде 1930-х гг.), летом 1944 г., после взятия в плен на советско-германском фронте попал в Дабендорф, где был назначен техническим руководителем издательства и типографии школы и начал посещать занятия 10-го выпуска пропагандистов РОА. Вскоре Д. В. Константинов подготовил и выпустил под псевдонимом Д. Долинский свою брошюру «Русская Православная Церковь в СССР», обличавшую гонения на Церковь со стороны сталинской диктатуры.

О. Дмитрий так вспоминал о своем знакомстве, видимо, в июле—августе 1944 г. с владыкой: «Первая встреча моя с митрополитом Серафимом, пользовавшимся у немецкой администрации большим уважением, была вполне благоприятна для меня. Немец по происхождению, русский по своему духовному состоянию, митрополит Серафим был человеком, стремившимся так или иначе помочь людям, обращающимся к нему. Мне он совершенно откровенно за-

явил, что он слышал кое-что о моей церковной деятельности в СССР и что именно эта сторона дела его в данный момент интересует. Ему нужны священники и вообще церковные люди, которые вплотную занялись бы лагерями остарбейтеров и военнопленных... Митрополит предложил мне принять активное участие в организации православного прихода в Дабендорфе и заметил, что в случае открытия церкви в Дабендорфе у него будет большая проблема со священником для него». После этой встречи при содействии руководства курсов началась подготовка к созданию храма. В помощь Д. Константинову был направлен бывший младший командир Советской армии, сын священника А. А. Орлов, «ревностный блюститель всех областей церковной деятельности». По свидетельству о. Димитрия, церковь в Дабендорфе была организована по инициативе владыки Серафима, иконы для нее привезли из русского храма в Дрездене²⁴.

Позиция митрополита Серафима в отношении власовского движения получила поддержку со стороны Архиерейского Синода. Еще на Архиерейском совещании РПЦЗ 21–26 октября 1943 г. в Вене говорилось о необходимости исправить существующее положение, когда назначение военных священников добровольческих частей, за исключением Русского охранного корпуса, носит случайный характер и всецело зависит от инициативы командиров. В принятой 24 октября резолюции говорилось: «Ввиду большого количества разнообразных русских воинских частей в составе Германской армии необходимо учреждение института военных священников, имеющих уже при некоторых частях, и предоставление назначения их и наблюдения за ними Зарубежному русскому церковному центру»²⁵.

Об этом же говорилось и в принятом на совещании обращении к германским властям — не предназначенном для печати меморандуме, отправленном 3 ноября 1943 г. митрополитом Серафимом (Ляде) в Рейхсминистерство церковных дел²⁶. Впрочем, на церковную политику нацистов меморандум не оказал никакого влияния, идти на существенные уступки Зарубежной Русской Церкви они не собирались.

Сразу же после переезда 7 сентября 1944 г. из Белграда в Вену председатель Архиерейского Синода митрополит Анастасий (Грибановский) попытался установить личный контакт с Власовым, чтобы договориться о духовном окормлении возглавляемого генералом движения со стороны РПЦЗ. Такая активная позиция владыки объясняется несколькими причинами. В течение нескольких лет германские власти проводили политику изоляции Архиерейского Синода и его председателя лично, не допуская их не только на оккупированную территорию СССР, но даже в Германию, по сути не давая возможности заниматься церковной политикой. Поэтому, как только появилась малейшая возможность участвовать в достаточно массовом русском движении, митрополит Анастасий тут же с большим энтузиазмом включился в него.

Другим фактором был ярко выраженный антикоммунизм владыки, считавшего большевизм и советскую власть абсолютным злом, с которым не может быть никаких компромиссов. При очень осторожном и даже негативном

отношении митрополита к национал-социализму (сохранилось несколько его соответствующих высказываний) этот антикоммунизм до поры не находил явного практического выражения, и вот теперь, как казалось владыке, появилась возможность реализовать свои политические убеждения, сотрудничая с русскими антикоммунистическими силами. Следует отметить, что митрополит Анастасий, вероятно, сильно переоценивал возможности власовского движения, считая, что оно (а значит, и окормлявшая движение РПЦЗ) сыграет значительную роль в послевоенной истории России.

Вопреки утверждениям некоторых историков, инициатива сотрудничества руководства РПЦЗ с Власовым исходила от церковной стороны. Об этом, в частности, свидетельствуют обстоятельства 1-й личной встречи митрополита Анастасия с генералом, еще в период пребывания последнего под арестом в Далеме (во 2-ю неделю сентября 1944 г.).

Присутствовавший при этой встрече начальник личной канцелярии Власова полковник К. Г. Кромиади (бывший представителем от Германской епархии на II Всезарубежном Соборе в 1938 г.) позднее вспоминал: «В один из воскресных дней митрополит Серафим пригласил меня к себе и сообщил о том, что митрополит Анастасий приехал в Берлин и что владыка выразил желание видеться с генералом Власовым. Я немедленно поехал в штаб и доложил генералу о моей беседе с митрополитом. Андрей Андреевич, выслушав меня, поручил мне сейчас же поехать к митрополиту Анастасию и доложить ему следующее: “Владыка, ген[ерал] Власов узнал о Вашем приезде в Берлин и очень хотел бы посетить Вас, но тяжелое положение, в котором он находится, и сложная политическая обстановка не позволяют ему выезжать и делать визиты. Генерал просит извинить его. Но если бы Вы, Владыка, нашли для себя удобным и возможным его навестить, то генерал был бы Вам очень благодарен”. В тот же день митрополит Анастасий в сопровождении митрополита Серафима и своего личного секретаря выехал в Далем. Подъехав к вилле на Кибицбег 9, в которой находился штаб ген[ерала] Власова, мы увидели выстроенный перед виллой почетный караул для встречи митрополита... Генерал Власов ожидал своего гостя у входа в гостиную и подошел под благословение со словами: “Благослови, Владыка!..”.

После обычных в таких случаях взаимных вопросов и ответов мы удалились, а оба иерарха вели беседу с генералом в течение двух часов. Во время этой беседы митрополит Анастасий передал генералу решение Архиерейского Синода поддержать Русское освободительное движение и обслужить имеющимся в его распоряжении духовенством религиозные потребности тех, которые, несмотря на исключительно тяжелые условия, поднялись на борьбу за освобождение нашей Родины. В результате было решено, что руководство движения будет “все возникающие в его частях религиозные и церковные вопросы направлять к представителям Синода”²⁷.

К осени 1944 г. катастрофические военные поражения на Восточном фронте привели некоторых нацистских руководителей к мысли о необходимости привлечь на свою сторону антикоммунистов и их организации, значительная часть которых признавала авторитет Власова. 16 сентября рейхсфюрер СС

Г. Гиммлер встретился с освобожденным из-под ареста генералом и дал согласие на создание руководящего органа антикоммунистического движения — Комитета освобождения народов России, провозглашение его программного документа — манифеста и формирование вооруженных сил КОНР во главе с Власовым.

При этом ряд других нацистских вождей, прежде всего министр занятых восточных территорий А. Розенберг и начальник Партийной канцелярии М. Борман, и в дальнейшем не скрывали резко негативного отношения к власовскому движению. В секретной заметке Восточного министерства от 4 ноября 1944 г. говорилось о недавнем высказывании Гитлера о власовской акции как об очень авантюрном деле. Один из руководителей министерства с удовлетворением отмечал: «Рейхсфюрер СС узнал о замечании фюрера и, кажется, теперь отходит от дела. Он вынужден был сказать, что власовское дело его больше не интересует, после того как ему испортили его замысел. Он очень хотел выступить с власовским манифестом к годовщине большевистской революции 7 ноября. Теперь это невозможно».

Через несколько дней ситуация снова изменилась, и 9 ноября Розенберг в крайней тревоге отправил телеграмму шефу имперской канцелярии Ламмерсу: «Я только что узнал из главной службы СС, что фюрер якобы разрешил власовскую акцию... Вы мне сообщили, что ни Вы, ни рейхсleiter Борман не знаете, что у фюрера вообще имеется манифест Власова. Кроме того, рейхсleiter Борман обещал мне воспрепятствовать тому, чтобы фюрер в результате односторонней информации не был подвигнут к решению, игнорируя прежнее им [Борманом.— М. III.] предложенное и мной поддержанное отрицание этого дела. Я еще раз указываю на мою позицию и предложения и прошу Вас представить их фюреру перед запланированными переговорами, которые я также еще раз прошу Вас созвать. Я прошу Вас сообщить об этой телеграмме рейхсleiterу Борману»²⁸.

Помешать «власовской акции» не удалось. Согласно некоторым архивным документам, в дальнейшем даже планировалось заключить договоренность имперского правительства Германии в лице Гиммлера и Розенберга с генералом Власовым в качестве руководителя Русского освободительного движения о сотрудничестве в борьбе с большевизмом, основные пункты которого сводились бы к следующему: Россия после свержения большевизма будет свободным и независимым государством, форму правления будет определять русский народ; основы для государственной территории образуют границы РСФСР 1939 г., изменения оговариваются особыми соглашениями; Русское освободительное движение отказывается от территории Крыма; казакам будет предоставлено широкое самоуправление, их будущая форма государства оговаривается особым соглашением; проживающим в России народам и племенам будет предоставлена широкая культурная автономия; имперское правительство и Русское освободительное движение заключают соглашение о совместной военной защите Европы. Это соглашение должно создать условия, предотвращающие новое возвращение большевизма или новую гражданскую войну в Европе²⁹. Однако этот договор

никогда не был подписан, впрочем, некоторые его пункты полностью противоречили убеждениям Власова.

14 ноября 1944 г. в Праге состоялось учредительное собрание Комитета освобождения народов России (структура которого была близка к правительственной) под председательством Власова, и в этот же день провозглашен главный программный документ власовского движения — так называемый Пражский манифест. Русская Православная Церковь, как и другие конфессии, в манифесте не упоминалась. Лишь в числе целей КОНР помимо прочего называлось «введение свободы религий, совести, слова, собрания, печати». Руководящим органом комитета стал его президиум из 8 человек — 5 генералов и 3 профессоров (Н. Н. Будзиловича, С. М. Руднева и Ф. П. Богатырчука). Каждый из этих профессоров был в той или иной степени связан с РПЦЗ, но ни один священнослужитель не был введен в состав КОНР³⁰.

На 18 ноября было запланировано торжественное собрание «представителей народов России», посвященное обнародованию манифеста КОНР, в берлинском «Европа-Хауз». Телеграмма Власова в Вену митрополиту Анастасию с приглашением участвовать в собрании была отправлена еще 10 ноября. 15 ноября подобная приглашительная телеграмма председателю Синода была отослана митрополитом Серафимом (Ляде) из г. Торгау. Интересно, что митрополиту Анастасию был выписан приглашительный билет № 2, а правителю дел Синодальной канцелярии Г. Граббе — билет № 6³¹.

На собрании в Берлине кроме митрополитов Анастасия и Серафима присутствовали и другие известные священнослужители РПЦЗ (протоиереи Адриан Рымаренко, Владимир Востоков, священники Георгий Бенигсен, Иоанн Легкий и др.), но выступить с речью от лица Русской Церкви было поручено наиболее близкому в то время к Власову молодому священнику Александру Киселеву. Отец Александр переехал в Германию в 1940 г. из Эстонии, служил в берлинском соборе Воскресения Христова, много времени уделял окормлению оstarбайтеров и, если удавалось, советских военнопленных. С 1943 г. священник обслуживал и специальный лагерь в г. Вустрау (вблизи Берлина), где содержались отобранные для антикоммунистической политической подготовки военнопленные.

С генералом Власовым священник познакомился в конце сентября — октябре 1944 г. и вспоминал об этом так: «Я был приглашен крестить младенца, отцом которого был один из видных офицеров только еще начинавшегося власовского дела... Во время крестин я был поражен тем, что крестный отец — ген[ерал] Власов мог самостоятельно, наизусть читать Символ веры... Он с глубоким уважением говорил о Церкви, но Церкви прошлых времен. Сетовал на Церковь последних предреволюционных десятилетий за то, что она больше жила духовным богатством своего прошлого, чем умножала его в настоящем. “Жить Церкви тем, что “наши предки Рим спасли”, нельзя, батюшка”, — сказал он мне. Его мнение, что религию нельзя ни запрещать, ни навязывать, что “она, как вода, сама себе дорогу найдет”, мне казалось как раз тем, что было нужно для духовного восстановления России. Все, что я слышал в этот вечер от ген[ерала] Власова, отвечало моим чувствам. Я ушел

с крестин власовцем. Думаю, что и я в какой-то мере был ему симпатичен, ибо он настоятельно звал меня работать в общем деле и чаще бывать у него. Так началась полоса моего деятельного участия во власовском движении и ряд встреч с ген[ералом] Власовым»³².

То, что произнесение речи на берлинском собрании было поручено именно молодому священнику, можно объяснить только личным желанием Власова. О. Александр в своих воспоминаниях писал, что присутствовал на обнародовании манифеста по приглашению КОНР и настоятель берлинского собора протоиерей Адриан Рымаренко перед произнесением речи надел на него ладанку с частицей мощей святого князя Александра Невского³³. Протоиерей Димитрий Константинов в письме В. К. Морту от 28 апреля 1970 г. сообщил, что, хотя церковные власти никогда никого не назначали духовником Власова, о. Александр Киселев некоторое (относительно короткое) время исполнял обязанности духовника генерала³⁴.

Выступление о. Александра было по-своему уникальным. Он говорил о Боге, о Церкви, страдающем Отечестве, но ни разу не упомянул Германию, СССР, необходимость уничтожения большевизма и тому подобные вещи, а главный акцент сделал на призыве исключить всякую месть и преследование со стороны участников возглавляемого Власовым движения. В книге воспоминаний о. А. Киселев опубликовал текст своего выступления, но, к сожалению, опустил значительную его часть³⁵. В числе неопубликованных фрагментов оказалась следующая фраза: «Обращаясь сегодня к вам по благословению святителей местной православной Церкви, я имею полную возможность говорить свободно то (не будучи вынужден петь кому-либо хвалебные гимны или кого-либо анафематствовать), что может послужить к вашему назиданию в этот ответственный момент»³⁶. Таким образом, видно, что о. Александр высказывал свои собственные мысли без всякого воздействия со стороны членов Синода, КОНР или немцев.

На следующий день после собрания в «Европа-Хауз», 19 ноября, в берлинском соборе Воскресения Христова митрополит Анастасий в сослужении митрополита Серафима и 8 священников совершил Божественную литургию, за которой рукоположил во диакона Димитрия Константинова. После литургии председатель Архиерейского Синода произнес проповедь, в которой призвал бороться с большевистским злом в рядах Русского освободительного движения: «Дорогие братья и сестры, объединимся же все вокруг этого нашего национального освободительного движения, будем каждый подвизаться на своем пути и содействовать общему великому делу освобождения нашей Родины, пока не падет это страшное зло большевизма, пока не восстанет со своего одра наша измученная Россия и пока в ней не засияет новая благословенная заря жизни, исполненной свободы, разума и радости во славу нашей Родины и всех населяющих ее народов!»³⁷.

Затем митрополит Анастасий совершил молебен о даровании победы вооруженным силам КОНР с провозглашением «Многая лета вождю освободительного движения Андрею и воинству его». Сам Власов не мог присутствовать в то время в соборе, его представлял начальник отдела пропаганды

генерал-лейтенант Г. Н. Жиленков в сопровождении полковников Кромиади и М. А. Меандрова, здесь же были почти все члены КОНР. Молебствие вылилось в русскую патриотическую манифестацию, перед собором развевался русский трехцветный флаг, который был поднят на улицах Берлина, «кажется, первый раз за последние тридцать лет»³⁸.

В воскресенье 19 и 26 ноября в православных храмах Германской епархии — в Сосновицах, Вейксельштедте и ряде других городов — были совершены торжественные богослужения по случаю учреждения КОНР и оглашения манифеста. 20 ноября митрополиты Анастасий и Серафим посетили Власова, с которым имели продолжительную беседу. В этот же день владыка Серафим за литургией в Воскресенском соборе рукоположил Димитрия Константинова во священника, а через несколько дней вручил ему антиминс для совершения богослужений в Дабендорфе с поручением немедленно организовать там передвижной походный храм во имя святого апостола Андрея Первозванного.

Поручение владыки было выполнено в кратчайший срок, в конце ноября в Дабендорфе начались постоянные богослужения. В отведенном администрацией школы пропагандистов небольшом помещении совершались требы и хранилась церковная утварь. По воскресеньям и праздникам богослужения проводились в столовой. Настоятелем Андреевской церкви до февраля 1945 г. служил о. Димитрий, обязанности псаломщика исполнял назначенный церковным старостой А. А. Орлов.

Позднее о. Д. Константинов так вспоминал о своем служении в Дабендорфе: «Я никак не мог пожаловаться на непосещаемость церковных служб. Народу было много, и огромную столовую нельзя было назвать пустой или полупустой. Иногда она была полностью заполнена молящимися. Но также никак нельзя утверждать, что на богослужениях присутствовала вся школа. В ней было достаточное количество лиц, не хотевших их посещать по всякого рода соображениям... В нашем импровизированном храме царил молитвенное настроение. Посещавшие его вели себя образцово. Хор, разросшийся за счет увеличения количества желающих петь в нем, спелся и представлял довольно внушительную певческую силу. Но в храме находились не только верующие или возвращающиеся к вере. Были просто любопытные, интересовавшиеся происходящим, хотевшие послушать проповедь священника. Были и такие, которые присутствовали “из вежливости” и для своего рода перестраховки, наследия советского быта. Были люди разного мировоззренческого толка, были, очевидно, и соглядатаи, присылаемые обеими противостоящими сторонами... В общем, шел неуклонный процесс постепенного воцерковления значительной части насельников лагеря».

При этом о. Димитрий отмечал значительные сложности в своей церковной работе и в начальной стадии воцерковления обитателей Дабендорфа: «Несомненно, среди слушателей курсов были верующие люди, но их было относительно мало. Большинство или не имело мнения в области мировоззренческих идей и относилось к религии с известного рода безразличием, или сохраняло в душе привитые в СССР антирелигиозные взгляды... В общем, создавалось впечат-

ление о начавшемся пересмотре мировоззрения у многих, но этот пересмотр не мог сразу привести к каким-либо определенным устойчивым результатам, так как для этого требовалось слишком много времени, которого история нам не дала... Постепенно из-под вод советского атеистического океана и весьма сомнительного мировоззрения Третьего рейха на поверхность выплывало нечто новое... Так было тогда, так было и в СССР после окончания войны»³⁹.

В уже упоминавшемся письме Морту о. Д. Константинов указал, что он был администратором военного духовенства РОА, «все назначения шли через его руки, и получал он их непосредственно от митрополита Серафима». В другом письме — архимандриту Хризостому от 14 мая 1979 г. — о. Димитрий утверждал, будто о. Александр Киселев фантазирует, что ему было поручено духовное окормление РОА⁴⁰. На самом деле оба упомянутых священника никогда протопресвитерами вооруженных сил КОНР официально не назначались, однако о. Александр, а затем о. Димитрий по указаниям митрополита Серафима (не утвержденным Архиерейским Синодом) руководили духовным окормлением возглавляемых Власовым частей.

Сначала, в ноябре 1944 г., соответствующее поручение было дано о. А. Киселеву, правда, на практике это выразилось в основном в окормлении чинов штаба Власова. В конце ноября о. Александр присутствовал на устроенном Власовым совещании по вопросу духовного обслуживания его частей. По свидетельству священника, генерал, считая религиозное влияние в армии необходимым, не хотел вводить его в приказном порядке и заявил присутствующим: «Хотят в роте батюшку, мы обязаны им дать его. Хотят муллу — дадим им муллу!» При этом Власов отметил добровольную публикацию в ряде газет КОНР текста выступления о. А. Киселева на берлинском собрании 18 ноября.

С конца декабря о. Александр был вице-председателем созданной в то время организации «Народная помощь», которая помогала остарбайтерам, военнопленным и семьям военнослужащих вооруженных сил КОНР. Официальное открытие «Народной помощи» произошло на многолюдной рождественской елке для детей в Берлине, перед началом которой священник А. Киселев отслужил молебен с диаконом В. Мельниковым. Затем о. Георгий Бенигсен произнес слово о празднике, а председатель новой организации член КОНР Г. А. Алексеев рассказал о ее значении. На елке присутствовали генералы Власов, Трухин и многие другие члены КОНР⁴¹. Сохранилась фотография с молебна, который служили священники А. Киселев и И. Легкий на рождественской елке для детей русских рабочих Берлина в присутствии Власова⁴².

А. Киселев и Д. Константинов были не единственными священнослужителями РПЦЗ, окормлявшими в конце 1944 г. участников власовского движения. Так, архимандрит Гермоген (Кивачук) в это время окормлял одно из добровольческих соединений вблизи Берлина (к весне 1945 г. он был назначен настоятелем русской церкви в Мариенбаде). В подобных частях служили также назначенные митрополитом Серафимом священники Анатолий Архангельский, Николай П. и протодиакон Павел Никольский.

В Дабендорфе в конце года один из барачков был передан для временного размещения до нового назначения военным священникам различных добровольческих частей. Таким образом, через Дабендорф прошло около 10 священнослужителей. Д. Константинов вспоминал: «Некоторые из них уже состояли в юрисдикции Зарубежной Церкви, некоторые же, попавшие на Запад из СССР, покинули родину, находясь в юрисдикции Московской Патриархии, и не смогли по ряду причин оформить свое новое каноническое положение. На подобного рода вещи тогда не обращалось особого внимания. Часть священников оставалась также в юрисдикции Вселенского Патриарха».

Назначения эти священники формально получали «по военной линии», но при условии согласования с митрополитом Серафимом (Ляде), правда, порой пожелания владыки расходились с приказами германского командования. Отец Димитрий по указанию митрополита помогал «налаживать связь и координацию духовных и военных властей в деле назначения» священников из Дабендорфа. Военное духовенство добровольческих частей также состояло на учете организационно-массового отдела Главного управления пропаганды Третьего рейха⁴³.

Существовали и другие примеры связей православного духовенства с восточными формированиями, вошедшими в состав вооруженных сил КОНР. Протоиерей Алексей Ионов, служивший тогда в соборе Воскресения Христова, 12 июня 1956 г. писал о. Д. Константинову, что с власовским движением он соприкасался в конце 1944 г. в Берлине, где тогда глава Автономной Украинской Православной Церкви архиепископ Пантелеимон (Рудык) и протоиерей Адриан Рымаренко «вели оживленные дебаты о создании некоего церковного центра в недрах РОА» (видимо, для окормления украинских частей) с начальником отдела гражданского населения КОНР генерал-майором Д. Ф. Закутным⁴⁴.

О практическом участии во власовском движении настоятеля берлинского собора о. Адриана (в будущем архиепископа Роклэндского Андрея) известно очень мало, при этом его положительное отношение к делу Власова не вызывает сомнений. Член президиума КОНР профессор Ф. П. Богатырчук так вспоминал о позиции протоиерея: «Первый мой визит [в Берлине, накануне создания КОНР.— *М. III.*] был к отцу Адриану (теперь епископу Андрею), которого я знал еще по Киеву и всегда почитал его за стойкость в вопросах веры и морали. Я рассказал ему о той уверенности в перерождении нацистов, которая питает энтузиазм Власова, и выразил свои сомнения на этот счет, основанные, главным образом, на киевском опыте. “Допустим, что Вы правы, и нацисты нас, как и прежде, хотят использовать только для пропаганды,— сказал о. Адриан.— Возникает вопрос, не будем ли мы в состоянии, даже в этом наихудшем случае, облегчить участь наших соотечественников [военнопленных и остовцев.— *М. III.*], находящихся здесь в очень тяжелых условиях? Ответ ясен — конечно, можем. Ваше сердце, несомненно, выскажется за участие в ОДНР, а через наше сердце с нами говорит Бог. Поэтому вступайте [в КОНР.— *М. III.*] без колебаний”. И с этими словами

он благословил меня частицей мощей великомученицы Варвары, которые он всегда возил с собой»⁴⁵.

Помимо о. Адриана (эвакуированного в конце 1943 г. в Германию из Киева) о поддержке власовского движения заявили и другие бывшие священнослужители Автономной Украинской Церкви. Так, эвакуированный в Румынию архиепископ Донской Николай (Амасийский) в ноябре 1944 г. написал послание «К пастырям и верующим Христовой православной Церкви», в котором призывал: «Когда все попытки использованы и нельзя сделать ничего другого для предотвращения опасности, Церковь Христова благословляет всех православных на вооруженное спасение своего Отечества от гибели. Мы знаем пример священных войн в истории Древнего Востока и христианства... Благословляя русское воинство на правую битву с большевизмом, мы напоминаем ему слова преподобного Сергия Радонежского, который в 1380 году, благословляя великого князя Дмитрия на свержение татарского ига, сказал: “Смело, без колебаний иди на безбожных! Ты победишь!”» Послание архиепископа Николая было опубликовано в газете КОНР «Воля народа» 13 декабря 1944 г.⁴⁶

Во власовском движении хотели участвовать и некоторые проживавшие ранее в Югославии известные деятели РПЦЗ. В частности, бывший архиепископ Берлинский и Германский Тихон (Лященко), переехавший в сентябре 1944 г. вместе с Синодом из Белграда в Германию, 5 декабря 1944 г. писал из Висбадена в Вену редактору журнала «Церковное обозрение» Е. И. Махараблидзе, что он хочет работать у генерала Власова, где начальник канцелярии его старый знакомый профессор С. М. Руднев. Правда, митрополит Анастасий полагал, что владыка Тихон слишком стар для этого, но архиепископ был с ним не согласен. Довольно скоро, 11 февраля 1945 г., владыка Тихон скончался в Карлсбаде и во власовском движении реального участия так и не принял.

В свою очередь Махараблидзе (бывший начальник канцелярии Архиерейского Синода) в начале декабря также отправил из Вены в Берлин местному протоиерею Сергию Положенскому письмо о своем желании работать у Власова с просьбой передать его предложение в КОНР. 13 декабря о. Сергей ответил Махараблидзе, что вручил его письмо Рудневу для передачи Власову: «Там уж они сами разберут, нужны Вы им или не нужны и куда Вас деть. Вообще, имейте в виду, старой эмиграции туда не берут, кроме единственного Руднева, там нет никого».

В начале 1945 г. интерес к власовскому движению проявил другой оставшийся без работы белградец В. Маевский. 5 января он написал из Линца Махараблидзе: «А правда ли, что при Комитете генерала Власова образовался “протопресвитериат” военного духовенства и формируется вероисповедное отделение с юрисконсультом Лехно, белградским проповедником?» Эти слухи оказались безосновательны, адвокату В. И. Лехно, подготовившему проект военно-юридической части вооруженных сил КОНР, по требованию немцев было запрещено служить в соответствующем отделе. Махараблидзе, как и Маевского, к участию в работе КОНР вообще не допустили⁴⁷.

Не только для ближайшего окружения Власова было характерно настроенное отношение к старой русской эмиграции, но еще в большей степени наоборот. Далеко не все из священнослужителей РПЦЗ, даже из присутствовавших на берлинском собрании, поддержали власовское движение. Так, известный пастырь, активный участник работы Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг., бывший член Высшего Церковного Совета протоиерей Владимир Востоков сидел во время обнародования манифеста КОНР с грустным видом, а когда его спросили: «Почему?», о. Владимир ответил: «Ничего хорошего из этого не будет. Ни слова не сказали о Боге»⁴⁸.

Живший в то время в Германии известный писатель-монархист И. Л. Солоневич, резко негативно относившийся к Гитлеру и национал-социализму, беседовал с Власовым, но отказался поддержать его, отметив в одном из своих послевоенных очерков: «Некоторый церковный уклон на закате власовской акции объясняется просто “давлением масс”, но ни Власов, ни тем более Жиленков ни в Бога, ни в черта не верили ни на копейку». Солоневич подчеркивал, что во власовской акции отказались участвовать такие ключевые фигуры русской эмиграции в Германии, как генерал В. Бискупский (умерший от отчаяния и голода), генерал А. фон Лампе (на самом деле он в конце концов вступил в вооруженные силы КОНР), полковник Скалон, С. Л. Войцеховский. Не пошли они и с формировавшим казачьи корпуса генералом П. Н. Красновым: «Мы, русские люди, жившие в эти годы в Германии, видели и знали, что дело идет об уничтожении России и русского народа. Генерал А. А. Власов этого не знал. Генерал П. Н. Краснов это знал»⁴⁹.

А. Киселев писал в своих воспоминаниях, что представители берлинской русской эмиграции не раз обращались к нему «с вопросом и даже с укором, как могу я, священник, идти вместе с бывшим коммунистом и, наверное, безбожником». В конце концов священник решил поехать к Власову, чтобы прямо спросить его о вере в Бога. После некоторого молчания генерал ответил: «Да. Я верую в Господа Иисуса Христа, отец Александр». Подобное же прямое заявление Власов как-то сделал в беседе с Кромиади: «Бога может отрицать только идиот». Однако, судя по другим высказываниям генерала, у него существовали сомнения и колебания в этом вопросе. «Я хотел бы снова уметь молиться так, как эти люди,— сказал однажды А. Власов, увидев погруженных в молитву верующих перед иконой Божией Матери в венском соборе св. Стефана.— Я потерял свою детскую веру, но я чувствую, что есть выше нас сила и что человек теряет свое духовное “я”, если отрывается от нее... Только я не могу больше вернуться к простой детской вере и верить в то, что сила над нами есть наш личный Бог, наш Бог-Отец. Может быть, два хороших русских священника, с которыми я говорил недавно в Берлине, и правы. Они сказали, что без любви к Богу-Отцу вера в Бога или высшую силу бесплодна»⁵⁰.

Большие усилия для того, чтобы склонить к сотрудничеству с власовским движением часть русской эмиграции, предпринял митрополит Анастасий. При этом владыка не идеализировал власовцев. Интересным документом в этом плане является его ответ на письмо преподавателя эвакуированного в г. Егер (Германия) из Белграда 1-го Русского кадетского корпуса Б. Н. Сер-

геевского. Последний 30 ноября 1944 г. писал митрополиту: «Не веселит меня лично и характер “Манифеста”, объявленного Власовым: тоже без Бога и с признанием “завоеваний революции”. Едва ли на такой базе возможно совершить подвиг освобождения».

В письме от 14 декабря владыка Анастасий ответил на упрек так: «На дело Вы смотрите слишком мрачно. Конечно, в идеологическом отношении многое, и в том числе отмеченное Вами, нехорошо, но это не столько по сознательно отрицательному отношению ко всему доброму, а по идеологической незрелости. Наравне с тем, что в манифесте ничего не говорится о Боге, может быть по непривычке б[ывших] подсоветских упоминать Его в официальных актах, Комитет пожелал начать свою работу с молебна. Сам Власов, с которым я виделся, много говорил о значении церковной миссии и в разговоре неоднократно цитировал Св. Писание. Другие сотрудники его тоже с почтением относятся к Церкви. Поэтому есть надежда, что в новом движении Церковь сможет выполнять свою миссию. В политическом же отношении надо всем объединиться вокруг Власова, ибо никого другого, кто имел бы возможность собрать русские силы для борьбы с коммунизмом, сейчас налицо нет»⁵¹.

Не закрывая глаза на недостатки власовского движения, председатель Синода все-таки видел в нем единственную силу, которая, по его представлению, могла изменить судьбу Родины. Надежды, которыми жил митрополит более 3 лет, — о свержении советской власти и возрождении свободной великой православной России — по мере приближения советских армий рушились, поэтому он так активно попытался использовать последний шанс. При этом владыка Анастасий, возможно, не был уверен в «силе духа» участников власовского движения и различным образом (в выступлениях, посланиях, письмах к Власову) старался укрепить его.

Присоединившиеся к движению русские эмигранты в подавляющем большинстве были русскими патриотами (а многие и идеалистами). Это наложило отпечаток на их послевоенные воспоминания. В частности, в 1961 г. Георгий Граббе, в то время протопресвитер, писал: «Власовская армия, созданная в крайне тяжелых условиях, никогда не скрывала своего русского патриотизма и рассматривала немцев в качестве только временных союзников для уничтожения коммунизма на Русской земле, нередко ясно давая это понять и им самим. Никто из русских патриотов не мечтал о конечной победе немцев, но все думали и молились об освобождении России от большевистской тирании»⁵². В действительности власовское движение было очень неоднородным по составу. Наряду с самоотверженными патриотами России в него входили и люди с пронацистскими взглядами, и огромное количество тех, кто попал в части Власова волею обстоятельств, спасая свою жизнь в лагерях военнопленных или оstarбайтеров.

Под влиянием руководства РПЦЗ во власовские части вступило большинство старших воспитанников эвакуированного в Егер Кадетского корпуса, в том числе сын Граббе Антоний. Была сформирована даже специальная кадетская рота, охранявшая штаб Власова. 8 декабря в Егере с эмоциональным

словом выступил митрополит Анастасий: «Церковь, как носительница вечной Христовой истины и правды, как провозвестница евангельской любви, братства и самоотверженного служения ближним, никогда не переставала бороться с коммунизмом и особенно его крайней формой — большевизмом, видя в нем смертоносное начало не только для религиозной, но и для всякой здоровой и нормальной жизни в нашем Отечестве вообще... Большевизм должен быть уничтожен, пока он не уничтожил наш народ и всю христианскую культуру, которую он разрушает повсюду. Исходя из этого, Церковь поощряла всякую силу, направленную к его искоренению в России; тем более она благословляет представителей возникшего ныне нашего мощного национального движения, поставившего своею целью непримиримую, решительную борьбу с этим злом и нашедшего для себя достойного возглавителя в лице генерала Андрея Андреевича Власова... Мы все должны влиться в великое национальное движение за свободу Родины, чтобы подвизаться вместе за торжество попорченной христианской и общечеловеческой правды. А кто борется за правду, за того поборают Сам Бог, Который и да благословит всех деятельных участников освободительного движения и всех вас Своим небесным благословением»⁵³.

В середине декабря 1944 г. правитель дел Синодальной канцелярии Г. П. Граббе провел беседу с Власовым в Берлине, в ходе которой генерал предложил ввести духовное лицо в качестве представителя РПЦЗ в состав КОНР и информировал о своем намерении создать особый отдел вероисповеданий. В письме от 25 декабря митрополит Анастасий поблагодарил Власова за его предложение, сообщив, что Архиерейский Синод в ближайшие дни изберет соответствующее лицо для участия в комитете. Владыка также отметил, что, поскольку отделу вероисповеданий «чаще всего предстоит иметь дело с православною Церковью, чрезвычайно важно, чтобы во главе его поставлено было лицо, хорошо осведомленное в наших церковных делах и расположенное к Церкви». В этот же день Синодальная канцелярия переслала начальнику отдела пропаганды генералу Г. Н. Жиленкову текст Рождественского послания митрополита Анастасия с просьбой напечатать его в подведомственной печати⁵⁴.

4 января председатель Синода написал Власову поздравление с Рождеством Христовым, пожелав успеха в борьбе с большевизмом: «Взоры наших соотечественников отовсюду обращены на Вас, генерал, как на основателя этого [освободительного.— М. III.] движения и вождя Русской освободительной армии, в ожидании момента, когда вы вместе с Вашими доблестными сподвижниками мощною и решительною рукою сокрушите большевицкое иго, угнетающее русский народ, как и все другие народности, обитающие в нашем Отечестве, и введете в обетованную землю всех рассеянных сынов России, томящихся ныне в изгнании. Да поможет же Вам Всемогущий Господь оправдать лучшие чаяния своего народа. Да облачит Он Ваш патриотический призыв такою силою, чтобы голос Ваш услышала вся Русская земля и, собравшись воедино под Вашим знаменем, обрела себе полную свободу, вошла в мир и покой свой, преуспевая во всех сторонах своей жизни, восхваляя Бога и благословляя Ваше имя».

Через 2 дня митрополит Анастасий известил генерала о постановлении Синода от 2 января признать наиболее подходящим кандидатом для избрания в состав КОНР в качестве представителя Церкви архимандрита Нафанаила (Львова)⁵⁵. Однако архимандрит почти не работал в составе комитета. Лишь в середине января он, прибыв в Берлин (и оставшись там до 30 апреля), узнал о решении Синода, а в начале февраля основные структуры КОНР переехали из немецкой столицы в Карлсбад. О. Нафанаил приехал в Берлин в составе эвакуированного из Словакии братства прп. Иова Почаевского. Эта группа монахов и послушников из 25–30 человек была лично принята Власовым и по его указанию временно размещена в Дабендорфе, где оказала значительную помощь в работе типографии школы пропагандистов. По свидетельству о. Д. Константинова, архимандрит Нафанаил передал для местной церкви ряд церковных предметов из монастырских запасов, иногда служил в этом храме, как и другие монахи, имевшие священнический сан. Кроме того, члены братии пели в состоявшемся из курсантов школы церковном хоре под управлением регента Корсунского⁵⁶.

Именно братия монастыря прп. Иова Почаевского в последние месяцы войны в основном и окормляла власовские части. Впрочем, формирование института военного духовенства в вооруженных силах КОНР шло очень медленно. 23 ноября 1944 г. был издан приказ о формировании 1-й пехотной дивизии в городке Мюнзинген (земля Вюртемберг), в том же месяце на базе курсов подготовки младших офицеров при дивизии была создана объединенная офицерская школа вооруженных сил КОНР, но первые священники появились в Мюнзингене только через 2 с лишним месяца.

Показателен в этом плане ответ Синодальной канцелярии на обращение 29 ноября к митрополиту Анастасию 6 эвакуированных из Латвии в Германию священнослужителей (протоиереев Дмитрия Кратирова, Виктора Колиберского, иереев Арсения Колиберского, Владимира Толстоухова, Германа Жегалова, Николая Рождественского) с просьбой о назначении их в Русскую освободительную армию. 15 января 1945 г. правитель дел канцелярии написал этим священникам, что, «к сожалению, вопрос о снабжении частей РОА духовенством еще практически не разрешен». Г. Граббе пообещал, что митрополит Серафим (Ляде) со временем уведомит их, и сделал со своей стороны предложение: «Так как в некоторые части бывает возможность назначения священников и у Владыки митрополита Анастасия, было бы хорошо, чтобы Вы и в Синодальную канцелярию прислали краткие сведения о себе»⁵⁷. Под «некоторыми частями» здесь имелись в виду сражавшиеся в Югославии Русский корпус и 1-я казачья дивизия, военных священников в которые действительно назначал владыка Анастасий.

(Окончание в № 1 за 2007 г.)

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Двинов Б. Л.* Власовское движение в свете документов. Нью-Йорк, 1950; Очерки к истории освободительного движения народов России. Нью-Йорк, 1965; *Осокин В.* Андрей Андреевич Власов. Нью-Йорк, 1966; *Поздняков В. В.* Рождение РОА. Сиракузы (Нью-Йорк), 1972; *Казанцев А.* Третья сила. Франкфурт-на-Майне, 1974; *Штрик-Штрикфельдт В.* Против Сталина и Гитлера: Генерал Власов и Русское освободительное движение. Франкфурт-на-Майне, 1975; *Фрелих С.* Генерал Власов. Тенафли (Нью-Йорк), 1990; *Окороков В. А.* Антисоветские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000; *Черкассов К.* Меж двух огней: В 2 кн. Данденонг (Австралия), 1986. *Хофман Й.* История власовской армии. Париж, 1990; Материалы по истории Русского освободительного движения: Сб. статей, документов и воспоминаний / Под ред. А. В. Окорокова. Вып. 1–4. М., 1997–1999; *Александров К.* Армия генерала Власова 1944–1945. М., 2006; и др.
- ² *Киселев А., прот.* Облик генерала Власова: (Записки военного священника). Нью-Йорк, 1975; *Константинов Д., прот.* Записки военного священника. СПб., 1994.
- ³ *Поздняков В. В.* Андрей Андреевич Власов. Сиракузы (Нью-Йорк), 1973. С. 178.
- ⁴ *Киселев А., прот.* Указ. соч. С. 80.
- ⁵ *Ковалев Б. Н.* Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941–1944 гг.). Новгород, 2001. С. 468.
- ⁶ Генерал Власов в Риге: Воспоминания морского офицера. Апрель 1943 г. // Русское возрождение. 1980. № 10. С. 102–104.
- ⁷ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Псковской области (далее — АУФСБ ПО), ф. архивно-следственных дел, д. А–10676, т. 1, л. 87–88; т. 2, л. 351.
- ⁸ Там же, д. А–21132, т. 1, л. 2–4, 64; т. 3, л. 708.
- ⁹ *Поздняков В. В.* Андрей Андреевич Власов. С. 178–179.
- ¹⁰ АУФСБ ПО, ф. архивно-следственных дел, д. А–10676, т. 1, л. 88, 201–202; т. 2, л. 352 об.
- ¹¹ Там же, т. 1, л. 5, 88.
- ¹² Institut für Zeitgeschichte München (IfZ), MA 749, Bl. 826–829.
- ¹³ Bundesarchiv Berlin (далее — ВА), R 5101/22183, Bl. 124.
- ¹⁴ АУФСБ ПО, ф. архивно-следственных дел, д. А–10676, т. 1, л. 89; т. 2, л. 353 об; IfZ, MA 794, Bl. 826–827; ВА, R 5101/22183, Bl. 124.
- ¹⁵ *Ковалев Б. Н.* Указ. соч. С. 468.
- ¹⁶ Там же. С. 68–69; АУФСБ ПО, ф. архивно-следственных дел, д. А–10676, т. 2, л. 353 об.
- ¹⁷ *Фрелих С.* Указ. соч. С. 335–336.
- ¹⁸ Politisches Archiv des Auswärtigen Amts Bonn, Inland I–D, 4757.
- ¹⁹ ВА, R 6/179, Bl. 176–179.
- ²⁰ Ebenda, Bl. 133–134; IfZ, MA 1042, Bl. 1093–1096.
- ²¹ Ebenda, Bl. 1081–1088.
- ²² ВА, R 6/179, Bl. 178–179.
- ²³ *Фрелих С.* Указ. соч. С. 335.
- ²⁴ *Константинов Д., прот.* Через туннель XX-го столетия // Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 3. М., 1997. С. 327–328; *его же.* Записки военного священника. С. 29.
- ²⁵ Синодальный архив Русской Православной Церкви за границей в Нью-Йорке (далее — СА), д. 38/43.
- ²⁶ Российский государственный военный архив, ф. 1470, оп. 2, д. 17, л. 120–125.
- ²⁷ *Шатов М. В.* Материалы и документы освободительного движения народов России в годы Второй мировой войны. Нью-Йорк, 1966. Т. 2. С. 156–157; *Кромиади К. Г.* За землю, за волю... Сан-Франциско, 1980. С. 133–143.

- ²⁸ IfZ, MA 540, Bl. 786, 827.
²⁹ Ebenda, MA 795, Bl. 748.
³⁰ Пражский манифест 14 ноября 1944 г. / Послесловие К. М. Александрова // Новый часовой. 1994. № 2. С. 176–184.
³¹ СА, д. 51/44.
³² Киселев А., прот. Указ. соч. С. 68–69.
³³ Там же. С. 82, 111.
³⁴ The Archives of the Orthodox Church in Amerika, Syosset (далее — OCA Archives), Box 16.
³⁵ Киселев А., прот. Указ. соч. С. 187–189.
³⁶ СА, д. 51/44. Копия.
³⁷ Там же, д. 53/44. Копия.
³⁸ Кромиади К. Г. Указ. соч. С. 192; Киселев А., прот. Указ. соч. С. 110.
³⁹ Константинов Д., прот. Через туннель XX-го столетия. С. 323–324, 331–332, 336–337.
⁴⁰ OCA Archives, Box 16.
⁴¹ Киселев А., прот. Указ. соч. С. 77, 85–86, 134.
⁴² Шатов М. В. Указ. соч. Т. 2. С. 96.
⁴³ Константинов Д., прот. Записки военного священника. С. 17, 25–26.
⁴⁴ OCA Archives, Box 20.
⁴⁵ Богатырчук Ф. П. Мой жизненный путь к Власову и Пражскому Манифесту. Сан-Франциско, 1970. С. 180–181; Корнилов А. А. Преобразование России: О православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941–1944 гг.). Нижний Новгород, 2000. С. 94.
⁴⁶ Поздняков В. В. Андрей Андреевич Власов. С. 179–181.
⁴⁷ Архив Германской епархии Русской Православной Церкви за границей в Мюнхене, д. «Разная переписка. Военные годы».
⁴⁸ Свидетельство автору служащего Архиерейского Синода Михаила Александровича Селихова 17 мая 2004 г. в Нью-Йорке.
⁴⁹ Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. М., 2003. С. 34, 61, 89, 93.
⁵⁰ Киселев А., прот. Указ. соч. С. 76, 81, 86.
⁵¹ СА, д. 48/44.
⁵² Граббе Г., протопресв. Правда о Русской Церкви. Джорданвилл, 1961. С. 189.
⁵³ СА, д. 53/44.
⁵⁴ Там же.
⁵⁵ Там же.
⁵⁶ Константинов Д., прот. Через туннель XX-го столетия. С. 333; Кромиади К. Г. Указ. соч. С. 134.
⁵⁷ СА, д. 53/44.